

ЗВЕЗДА

5-6

О Г И З

ГОСЛИТИЗДАТ • ЛЕНИНГРАД • 1943

О Чехове много писали. Чуть ли не всем, вспоминаям о встречах с ним, он казался благодушно настроенным, всегда спокойным человеком. А вот мне как раз пришлось видеть его в те минуты, когда это благодушие ему изменило. Правда, много способствовал этому быстро развивающийся недуг его, о котором, как это знали более близкие к нему люди, он не любил упоминаний, но зато многие, и которые, казалось, должны были бы обладать известной чуткостью, несколько не щадили его, при встрече с ним бесцеремонно направляя разговор на состояние его здоровья. И вот один из таких инцидентов я и хочу описать.

Это было в Ялте. Почему Чехов выбрал для своего местопребывания шумную Ялту, в то время как Крым изобилует прелестными уголками с роскошной растительностью, восхитительными видами на море, а главное — прельщающими своей тишиной? Ялта того времени своей страшной, именно страшной смесью торжества чисто животной жизни с видом медленного и неизбежного ее угасания вряд ли могла способствовать укреплению хоть немного расшатанной нервной системы.

Первое вносили собой преимущественно приезжающие сюда из Москвы в большом количестве купчихи. Это были все представительницы среднего купечества, так как вышешие слои купечества, все те, которые, по выражению Чехова, «хочут свою образованность показать», пренебрегали отечественными курортами и предпочитали тратить шальные деньги за границей. Зато дамы среднего купечества развешивались здесь всюду. Раскормленные, в ярких, но бескусных нарядах, залитые бриллиантами, они с утра до вечера затаивали по набережной, на глазах у всех затеивая свои несложные романы с татарами — проводниками в горы. Проводники, все молодые татары, в яркого цвета шелковых рубашках, вышитых золотом безрукавках, бархатных шароварах и маленьких шапочках, лихо надвинутых набекрень, живописными группами толпились на набережной около фруктовых лавок, даря всех проходящих мимо женщин томными улыбками и ожидая их плотоядными взглядами. И чем старше и некрасивее была женщина, и чем больше было на ней бриллиантов, тем больше улыбок и любовных взглядов она получала, ибо красоту и молодость заменяли здесь деньги и драгоценности.

И тут же рядом, еле передвигая ноги, плелись чахоточные, с худыми изможденными лицами, вззирающие на всех с каким-то немимым укором в глазах, в мучительном кашле, с хрипом выплевывающие остатки своих легких. А главный ужас в том, что большинство — все молодые существа, полные жажды так безжалостно ускользающей от них жизни.

— А я за вами, — окликнул меня на набережной, как всегда куда-то быстро несущийся, Гарин.

— Идем знакомиться с Чеховым.

— Ни в коем случае! — был мой ответ.

— Это почему?

— Боюсь сановников, хотя бы и литературных.

— Ну, это вы напрасно. Чехов совершенно не держит себя сановником. Это — сама простота, кротость и добродушие, и к тому же он очень любит молодых писателей, перед которыми, как он выражается, «их талант не успел отдернуть завесу будущего, и они еще не отравлены — ни шумным успехом, ни мрачною завистью к сча-

стливцам». А вы как раз находитесь в этой стадии. Да о чем толковать! Идем — и все.

И со свойственной ему отрезительностью он схватил меня под руку и буквально потащил за собой. Пришлось покориться.

Жилище и обстановку Чехова описывать не стану. Это было сделано столько раз и с такой точностью, что нового к этому ничего прибавить нельзя. Зато вид самого Антона Павловича далеко не соответствовал представлениям о кротости и благодушии, которыми наделил его в нашем предыдущем разговоре Гарин. Перед нами был чем-то очевидно расстроенный человек, непрерывно шагающий по комнате из угла в угол.

— Простите, но я никак не могу совладать со своим раздражением, — с какой-то смущенной улыбкой обратился он к нам, после обмена обычными приветствиями, — и знаете, я рад, что вы пришли, я чувствую прямо потребность излить перед одним из друзей свое негодование. — И Чехов начал свой рассказ, который тотчас же после ухода был мной тщательно и с возможной точностью выражений записан.

— Угорадила меня вчера нелегкая зайти по дороге домой к Х. На диване в гостиной сидит хозяйка, а рядом с ней дама. Познакомили. Оказалась писательница — поэтесса. Беру стул, присаживаюсь, затем по приглашению хозяйки направляюсь к столу, на котором стоят две вазы, — одна с фруктами, а другая с орехами, — накладываю на тарелочку орехи и только что хочу приступить к их уничтожению, как с дивана вихрем срывается поэтесса и с громким воплем: «Антон Павлович, что вы делаете?! Орехи, ведь это яд для вас, у вас кровь горлом пойдет. Вам нельзя, нельзя!» — вырывает у меня из рук тарелку; та падает и разбивается на мелкие куски, орехи рассыпаются. Вопли поэтессы становятся все громче, теперь ее негодование обрушивается уже на хозяйку, которая, предлагая мне орехи, является якобы виновницей моей преждевременной смерти. На шум из задних комнат бегают две собаки и громким радостным лаем и неистовыми прыжками еще более увеличивают суматоху. У хозяйки становится виноватое, испуганное лицо, голос дрожит, из глаз готовы брызнуть слезы. Разумеется, я не выдержал и бежал.

— Вам смешно, — укоризненно говорит он захохотавшему Гарину, — а когда вы прочтете это, вы увидите, что мне-то не до смеха. За полчаса до вашего прихода я получил вот это стихотворение.

И он прочитал вслух:

«Об одном прошу я, Чехов,
Ты отнюдь не ешь орехов.
Для тебя зерно ореха
Яд, здоровью помеха.
А твоя лишь в том утеха,
Чтоб от Чеховского смеха
Всем всерьез, не для потехи
Доставалось на орехи».

— Как видите, стихи неважные, но не они меня возмущили, а приписка; вот послушайте: «Дорогой нам всем Антон Павлович. Пусть эта шутка каждый раз, как захотите манкировать своим здоровьем, напоминает Вам, что этого делать нельзя. Я постараюсь как можно больше распространить ее среди Ваших друзей и знакомых, чтобы и они, хотя бы и в шуточной форме, чаще предостерегали Вас от небрежного отношения к болезни», а затем подпись: «Спасибо Вас вчера от большой опасности Х». И он назвал фамилию одной поэтессы.

— Я так и думал, что это она, — заметил Гарин. — Стихи неважные, хотя поэтесса недурная, но рекламистка великая и, разумеется, ею руководит не забота о вашем здоровье, а просто желание связать свое имя с Чеховым.

— Да, но если она приведет свою угрозу в исполнение, ведь мне житья не будет. И так меня изводят и знакомые и незнакомые. Нет человека, который не начал бы разговора со мной расспросом о моем здоровье. Право, я твердо решил, закажу визитные карточки «А. П. Чехов — писатель», а внизу курсивом: «здоров, как бык»; и вместо ответа буду молча протягивать ее каждому, спрашивающему о моем здоровье. Я сам врач, сам знаю, в каком оно состоянии. Я хочу забыть о нем, а мне немилосердно напоминают о нем ежеминутно. И что меня сердит, это то, что я не умею оградить себя от назойливости. Случалось вам ощущать в себе злобу тигра, готового растерзать свою жертву, и вместе с тем ясно сознавать, что вы только комнатная собачка, которая лижет руку, только что нанесшую ей удар? Вот и в данном случае, я хочу хоть раз в жизни быть грубым, жестоким, уязвить, оскорбить. Ведь вот вчера я ясно заметил, что у нее зубы-то вставные; мог бы я написать ей: сударыня, в ответ на ваши трогательные заботы обо мне, в свою очередь предупреждаю вас, что орехи вредны не только для больных легких, но их твердая скорлупа не полезна и для вставных зубов, даже вышедших из рук первоклассного дантиста.

— Бросьте, Антон Павлович. Ну, стоит ли! — стал успокаивать его Гарин.

— Да я и сам знаю, что не сделаю этого. Напротив, я буду корректен, любезен, ласков, даже благодарить буду за стихи, за заботу.

— И этого вам делать не придется, — засмеялся Гарин, — беру на себя ликвидацию этого инцидента. Немедленно, выйдя от вас, разыщу вашу поэтессу, возвращу ей стихи и докажу ей всю нелепость ее поступка. Словом, устрою все так, как будто ничего и не было. А в награду мы с моей спутницей приглашены к вам завтра вечером на чай. Давайте стихи. — И попрощавшись с просиявшим хозяином, мы вышли и долго шли молча, и когда достигли первой попавшейся скамьи и присели отдохнуть, Гарин с грустью сказал:

— Вижу, скоро, скоро уйдет от нас Чехов, и чувствую, что и я скоро последую его примеру, а вот вам, молодой, полной сил, советую записать все слышанное вами сегодня, а кстати перепишите себе и стихи. Но в печать не отдавайте, а сохраните для далекого будущего, для внуков. Быть может, и им не лишнее будет знать, как часто мелкие и на первый взгляд незначительные факты могут вывести из равновесия даже высоко одаренных и талантливых людей, и как вдумчиво и бережно нужно подходить к этим людям.

Совет Гарина я сейчас выполняю, а Чехова я больше не видела, так как в тот же вечер мне пришлось покинуть Ялту.